

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 167 (5878)

Суббота, 15 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Чехов и дети

Глубокая дружба Чехова с детьми — одна из самых трогательных сторон его жизни.

Чехов вел с детьми деятельную переписку, сочинял в письмах детям целые рассказы, рисовал смешные картинки, посылал им подарки. Не только интимная переписка Чехова, но и его деловые письма наполнены приветами капитанам Кукам, Коклюшам, Василисам, вопросами об их здоровье, советами. Когда Антон Павлович приезжал куда-нибудь, то на новом месте у него немедленно появлялись маленькие друзья, которые настолько занимали его, что в своих письмах к знакомым он обязательно писал о них. «Ловлю раков», — пишет он в мае 1889 г. из Лук А. С. Суворину. — Со мной вместе ловит сапожник Мишка, лет 12—13, ужасный брехун».

Веселая дружба Чехова с детьми была наполнена смешными происшествиями, фантастическими историями, изобретением которых писатель был увлечен не меньше, чем его маленькие друзья.

Сквозь юмористический тон отношений с детьми у Чехова всегда сквозит настоящая забота о них, об их нравственном и физическом воспитании. В письмах к Киселевой, сын которой одно время жил у Чехова, писатель весело перечисляет проделки мальчика, рассказывает, как Сережа «ходит на голове» или «кубарем катится вниз по лестнице», и тут же заботливо добавляет: «...честным словом уверяю Вас, что Сережа совершенно здоров, весел, не кашляет, что он попрежнему хороший мальчуган, учится недурно и — короче говоря — ни в его здоровье, ни в поведении, ни в образе жизни ничего не замечается такого, что могло бы внушать хотя бы даже маленькие подозрения или опасения». В деловом письме к Суворину он не забывает его дочку Настю и советует ей делать гимнастику. «Высокий рост, когда плечи не широки, не в ладу со здоровьем. Надо гимнастику делать, а то я замуж не возьму».

А. Федоров вспоминает об одной поездке Чехова на пароходе из Одессы в Ялту. Тут же ехал маленький сыншика Федорова. Беседуя с ребенком, Чехов улыбался «сквозь усы трогательной, ласково-грустной улыбкой». Когда мальчик минутку отошел от него и стал с любопытством заглядывать через борт, Чехов поспешил к нему. Там, у борта, между писателем и матерью ребенка произошел короткий, но выразительный разговор. «Бонтесь, чтобы он в море не упал?» — обратился Чехов к женщине. — «Да». — «А если бы упал?» — «Я бы бросился за ним». — «И я бы тоже бросился», — тихо и спокойно заметил Антон Павлович, положив руку на плечо мальчика, отвернулся и не сказал больше ничего».

Так любить детей мог только человек, все силы сердца которого были направлены к будущему своего отечества.

В детях Чехов видел своих потомков, грядущее поколение граждан великой России, счастливых деятелей будущего, поэтому он с необычайным вниманием заботился об их воспитании.

Как глубоко тревожили Чехова вопросы воспитания, видно из того, что он непрерывно возвращается к ним в своих рассказах, в письмах, в фельетонах, что он поднимает самые жгучие вопросы современного ему воспитания.

В одном из фельетонов Чехов язвительно и зло осмеивает реформы министра просвещения Толстого, сообщая, что по постановлению думы березовые прутья продаются на Сенной площади, на Страстном бульваре, в Пассаже и под Сухарежкой, что продавшие прутьев освобождены от всех повинностей, а кандидаты на порку есть. В обычной своей манере Чехов убивает смехом стремление реакционеров повернуть воспитание и

образование детей на старую, извечную дорожку.

Бездушным чиновникам школы, калечившим детские души, он посвящает такие ядовитые рассказы, как «Репетитор», «Человек в футляре», «Случай с классиком». В рассказе «Случай с классиком» он рисует образ гимназиста, искалеченного мушкетером, потерявшего облик человека. Тощее, бледное лицо, прищипленный вид лучше всего характеризуют этого раздавленного жизнью ребенка. Как обычно, он срезался на греческом языке: перечисляя энклитические частицы, «нечаянно местоимение впутал». Измученная, обманутая в своих надеждах сделать сына образованным, мамаша просит жильца посечь «тупицу». Благородный, деликатный жилец снял ремень и, упомянув о науке, свете и тьме, высек покорно принявшего кару гимназиста. А затем мальчика определили по торговой части.

Рассказы Чехова были сигналом. Вслед за ним с резким обличением казенщины, рутинной старой школы выступает Гарин-Михайловский в своей трилогии «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты».

В педагогических кругах поднимаются резкие дебаты. Разразившаяся общественная буря не прошла бесследно, она очистила затхлую атмосферу в педагогическом мире. На рубеже XIX—XX вв. школьное образование круто изменяется.

Второй вопрос, который непрерывно занимал Чехова, это воспитание морального облика детей. Прекрасный мир могут строить только гуманные, благородные люди. Таких людей, по мысли писателя, и надо готовить. В воспитании моральных качеств человека Чехов справедливо придает большое значение литературе. Поэтому он деятельно вмешивается в дела детской литературы. В «Осколках московской жизни» он показывает растлевающее влияние на детей бульварной литературы, широко распространенной тогда коммерсантами-издателями. Раньше, говорит Чехов, дети, начитавшись Майн-Рида и Купера, «удирали из родительских домов и изображали бегство в Америку», теперь дети «защитываются пастуховским «Разбойником Чуркиным» и идут в... разбойники». Чехов рассказывает, как юные чуркины, убежав из дома, убили везшего их мужика. Теперь, пишет Антон Павлович, малыши сидят в тюрьме, а «описываемый случай может служить тысячу раз первым доказательством тлетворного влияния чтения книг на детские умы — роскошная тема для передовицы в ваганьковском вкусе».

Некоторые считают, что вывод о детской литературе, к которому пришел в итоге Чехов, был безотраден. «Так называемой детской литературы», — писал Чехов Россолимо, — не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых». Однако эти слова Чехова относятся вовсе не к подлинной детской литературе, а к тем подделкам под детскую литературу, которые плодила пишущая братия низшего толка. Чехов ратовал за настоящую большую литературу для детей. Он подсказывает Россолимо, что нужно издавать для детей, он активно продвигает в детскую литературу талантливого писательницу Киселеву, он советует заняться творчеством для детей своему талантливому брату Ивану. Наконец, он сам берется за создание книг для детей. Он печатает свои рассказы в детских журналах, с особой придирчивостью и требовательностью выбирая их из своего творчества. Специально для детей он переделывает «Каштанку», издает «Белолобого».

Это не случайный, а глубоко продуманный дар детской литературе. В рассказе «Событие» Чехов писал: «В воспитании и в жизни детей домашние животные играют едва заметную, но несомненно благотвор-

ную роль. Кто из нас не помнит сильных, но великодушных псов, дармоедок-болодок, птиц, умиравших в неволе, тупоумных, но надменных индюков, кротких старух-кошек, прощавших нам, когда мы ради забавы наступали им на хвосты и причиняли им мучительную боль. Мне иногда даже кажется, что терпение и верность, всепрощение и искренность, какие присущи этим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации сухого и бледного Карла Карловича или же туманные разглагольствования гувернантки, старающейся доказать ребятам, что вода состоит из кислорода и водорода». Об этих сильных, верных и преданных животных и написаны рассказы Чехова для детей.

Как тревожил Чехова вопрос о педагогической направленности отобранных им произведений, видно из писем, относящихся ко времени его работы над переделкой «Каштанки».

На детей «Каштанка» произвела огромное впечатление. «Детишки», — писал Чехов брату Михаилу, — не отрывают от меня глаз и ждут что-нибудь необыкновенно умное. А по их мнению, я гениалец, т. к. написал повесть о Каштанке».

Впоследствии рассказы Чехова для детей были объединены в сборник, изданный Суворинным (1889 г.). Сюда вошли «Детвора», «Событие», «Ванька», «Беглец» и др. Чехов очень был озабочен изданием этой книги. Его переписка 1888—1889 гг. полна вопросов о ходе сборника.

Детские рассказы Чехова — непревзойденные шедевры русской литературы. В них все правдиво до иллюзии, как и во всем его творчестве. Они поражают проникновением во внутренний мир дитяти, потому что они так и захватывают маленьких читателей.

Чехов, как и его великие предшественники — Жуковский, Пушкин, Гоголь, Крылов, Некрасов, Тургенев, Л. Толстой, — внес в русскую детскую литературу шедевры мирового значения. Его «Каштанка» овеяна таким безбрежно-светлым настроением, рисует такие теплые и такие милые детям образы, что она может быть поставлена рядом с романами великого английского детского писателя Диккенса. Но она неизмеримо выше их по чистоте и ясности идей, по сжатости и выразительности своей формы. Другое произведение Чехова, вошедшее в детскую литературу, «Степь» причисляется англичанами к «самым великим повестям в мире». Это «своего рода «Илиада» или «Одиссея», — пишет талантливая английская писательница Кэтрин Мансфилд, которую в Англии называют «английским Чеховым», — есть вещь, о которых говоришь: «они бессмертны».

Чехов своим творчеством как бы подвел итог всему предшествующему развитию русской детской литературы. В великую национально-русскую детскую литературу, в которую русскими писателями до Чехова были вложены такие жемчужины искусства, как сказки Жуковского, Пушкина и Ершова, русские народные сказки Афанасьева, «Генерал Топтыгин» Некрасова, басни Крылова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Детство» и «Кавказский пленник» Л. Толстого, — в эту бесценную сокровищницу Чехов вложил свои рассказы: «Каштанка», «Белолобый», «Степь», «Событие», «Ванька», «Спать хочется».

В своих произведениях для детей, как и в литературе для взрослых, он убил все существовавшие до него литературные шаблоны и как стилист оказался недостижимым. В мировой детской литературе нет произведений, равных чеховским.

А. БАБУШКИНА.